УДК: 323.11(477.75) DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-6-75-90

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ежова М.Ю.[1]

Аннотация. Цель статьи – выявление роли религиозного фактора в формировании идентичности, а также определение - при каких условиях религиозная идентичность сочетается с гражданской, а при каких противостоит и доминирует. Формирование и реализация политики идентичности составляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку гражданская идентичность является ее сущностной основой и одновременно важнейшим ресурсом конкурентоспособности в современных условиях множественных локальных конфликтов и геополитических столкновений. Гражданская идентичность тесно связана с религиозной. Эта связь может заключаться в органическом подкреплении друг друга, отношениях соподчинения (гражданская идентичность формируется «поверх» религиозной) и в противостоянии. Перекрестный анализ идентичностей позволяет получить более глубокое представление о роли каждой из них. В статье рассмотрены механизмы формирования гражданской и религиозной идентичности, особенности сопроникновения светского и религиозного концепта. Это позволило сделать выводы о стремительной радикализации ислама, повсеместном повышении градуса политизации конфессий. Цифровая революция позволила экстремистским структурам успешно внедриться в коммуникативные системы, задействовав все механизмы конструирования социальных пространств – от пропаганды, дезинформации - до «сетей» и «воронок», успешно вовлекать в противоправную деятельность молодёжь в самых разных уголках мира. Эмпирическая база исследования основана на результатах авторских социологических исследований «Религиозное и национальное: выбор ценностной парадигмы» (2016 год – Республика Таджикистан, 2018 год – Республика Дагестан). Изучались представления молодёжи о влиянии религии на общественно-политическое развитие и процессы социально-политической модернизации. Материалы исследования стали основой научно-методических рекомендаций для муниципальных антитеррористических комиссий. Они также могут быть использованы в работе по противодействию распространению идеологии экстремизма и терроризма, для повышения квалификации работников органов исполнительной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: гражданская идентичность, религия, конфессия, образование, устойчивое развитие.

Ежова Марина Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, Уполномоченный по правам ребенка, Администрация Главы и Правительства Республики Дагестан, адрес: 367005, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пл. Ленина, д.1, e–mail: kataloza@mail.ru

INFLUENCE OF THE RELIGIOUS FACTOR ON THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY

EZHOVA M. Y. – Candidate of Political Sciences, Docent, Commissioner for the Rights of the Child, Administration of the Head and Government of the Republic of Dagestan (Russian Federation, Dagestan), e-mail: kataloza@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to identify the role of a religious factor in the formation of identity, as well as to determine under what conditions a religious identity is combined with a civil one, and under which it opposes and dominates. The formation and implementation of an identity policy is the most important task of national security, because civic identity is its essential foundation and at the same time the most important resource of competitiveness in the current conditions of multiple local conflicts and geopolitical clashes. Civic identity is closely linked to religious. This connection may consist in organic reinforcement of each other, relations of subordination (civic identity is formed "on top" of the religious) and in opposition. Cross-analysis of identities provides a deeper understanding of the role of each of them. The article discusses the mechanisms of formation of civic and religious identity, especially the interplay of secular and religious concepts. This allowed us to draw conclusions about the rapid radicalization of Islam, the widespread increase in the degree of politicization of faith. The digital revolution allowed extremist structures to integrate into communication systems successfully, using all the mechanisms for constructing social spaces - from propaganda, misinformation - to “networks” and “funnels”, and successfully involving young people in illegal activities in various parts of the world. The empirical base of the research is based on the results of the author's sociological research “Religious and National: Choosing a Value Paradigm” (2016 - Republic of Tajikistan, 2018 - Republic of Dagestan). Young people's ideas about the influence of religion on socio-political development and the processes of socio-political modernization are studied. The research materials formed the basis of scientific and methodological recommendations for municipal antiterrorist commissions. They can also be used in work to counter the spread of the ideology of extremism and terrorism, to improve the skills of employees of the executive branch and local self-government

Keywords: civil identity, religion, confession, education, sustainable development.

Формирование гражданской идентичности так или иначе «завязано» на конкретные условия, в которых оно осуществляется, зависит от выбора путей решения тех проблем, которые определяют логику общественного развития в конкретный исторический период. Перед всеми странами постсоветского пространства стояла проблема выбора вектора общественного развития, что находило соответствующее отражение в научных изысканиях. Чрезвычайно популярная в начале 90-х годов теория демократического транзита логикой

реального развития политических процессов на постсоветском пространстве оказалась оттесненной на задний план. Как справедливо отмечал Н.А.Борисов, множественные проблемы безопасности, прежде всего радикальный исламизм, явившиеся следствием болезненных политических трансформаций на пространстве бывшего Союза, определили более значимую исследовательскую задачу – поиск механизмов достижения предсказуемости и управляемости политических систем[1].

Политическая стабильность в полиэтническом и многоконфессиональном государстве, как Россия, ставящем перед собой задачи формирования политической, гражданской нации, достигается лишь тогда и в той мере, в которой отдельные этнические, конфессиональные, социокультурные, социально-экономические и иные общности скреплены выходящими за рамки их специфичности принципами правового государства и демократического политического представительства, осознают свои гражданские права и обязанности, приоритетность общих интересов перед групповыми, что в конечном счете и определяет жизнеспособность общества и состоятельность государства[2].

В майском Указе 2018 года, подписанном Президентом Российской Федерации В.В. Путиным сразу после инаугурации, «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в качестве одной из приоритетных задач называется «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов России». Еще в 2012 году в программной статье о национальном вопросе В. Путин подчеркнул необходимость сбалансированной национальной политики, основанной на межэтническом и межконфессиональном диалоге, гражданственности. «Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен, прежде всего, быть гражданином России и гордиться этим»[3]. Приоритетное внимание к проблеме национальной идентичности в контексте полиэтнического и поликонфессионального пространства России на протяжении длительного времени свидетельствует как о ее важности, так и о трудности решения.

Решая эту сложную задачу, нельзя оставлять без внимания те риски, которые исходят от конфессионально и этнически разнообразного общества. Именно этим обусловлено содержательное наполнение данной статьи: какова роль религиозного фактора в конструировании гражданской идентичности?

---

[1] Борисов Н.А. Институциональные трансформации на постсоветском пространстве: в поисках формулы политической стабильности // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. – М.: РОСПЭН, 2017. – С. 346-367.

[2] Прегудов С.П. Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: личность, общество, политика. – 2017. – С.163.

[3] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Российская газета. 2012. 23 января. – URL: http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html

Безусловным основанием, цементирующим гражданскую нацию и национальное государство, является гражданская идентичность. В политическом измерении гражданская идентичность выражается прежде всего через одобрение, принятие и деятельную поддержку общественно значимых идей и целей, через политическое участие и социальный активизм. Способность к самоорганизации, саморазвитию определяет успехи консолидации нации в долгосрочной перспективе. Здесь принципиальным становится вопрос: какой вектор будет определять социальную мобилизацию – гражданский, этнический или религиозный?

Воздействие религиозного фактора на политический процесс довольно осязаемо проявляется в условиях политизации социокультурных различий, особенно в субъектах Российской Федерации с преимущественно мусульманским населением. Понимание процессов формирования (трансформации) идентичности также крайне актуально в связи с активным включением постсоветского пространства в систему глобальных миграций, практически все виды которой представлены молодыми мусульманами. Интенсивность миграций, помноженная на достижения цифровой революции, приводит к миксации передовых обществ постмодерна с консервативными и даже архаичными, длительное время изолированными социумами. Мигрирующий человек больше, чем кто-либо, находится в поиске своей основополагающей идентичности. Однако трансформация гражданской, этнической и религиозной идентичности происходит не только у мигрантских групп, но и у принимающего сообщества, формируя порой множественную лоскутную, по выражению некоторых наших исследователей, «матрешечную» идентичность.

Подъем исламистских радикальных движений на фоне дискуссий о крахе вестфальской системы и кризисе национальных государств многим видится как один из главных вызовов для современной мировой политики и сложившегося миропорядка. Развитие глобальных форм ислама «подтачивает» гражданскую идентичность или развивается параллельно – вопрос дискуссионный. Однако очевиден факт: несмотря на существующую фрагментацию, разногласия, а порой и ожесточенную борьбу исламских движений и направлений между собой, во всем мире усиливается роль так называемого «исламского фактора», процессы, происходящие внутри мусульманских общин, все интенсивней влияют на макросоциумы. Еще один вопрос, недостаточно изученный, на наш взгляд, но имеющий непосредственное влияние на практику реализации задачи построения гражданской нации: что происходит чаще – религиозность влияет на процесс трансформации гражданской идентичности, вытесняя ее, как менее значимую, в сравнении с принадлежностью к религиозной общине, или формирование гражданской идентичности воздействует на религиозную жизнь, распространение тех или иных течений, степень радикальности взглядов, корректирует религиозные практики?

Формирование религиозного миропонимания представляет собой длительное

изменение представлений и практик индивидов и социальных групп, однако формирование религиозной идентичности происходит с использованием тех же механизмов, что и гражданской идентичности. Религиозные деятели как традиционного, так и радикального толка активно используют достижения современной науки, цифровые технологии, конкурируя, а порой и опережая государство в конструировании и внедрении в массовое сознание необходимых установок. При этом информационный контент создается и распространяется в форматах, привлекательных прежде всего для молодёжи: Fasebook, Instagram, WhatsApp, «Вконтакте» и «Одноклассники», для религиозно-экстремистской пропаганды наиболее активно используемой платформой является Telegram и Twitter.

Принцип конструирования гражданской и религиозной идентичности в целом одинаков и содержит две составляющие:

1) формирование ценностей и смыслов,

2) организация распространения информации.

Их необходимо разделять при оценке эффективности воздействия на социум, поскольку созданием информационного продукта занимаются в основном профессионалы (от ученых, богословов, политиков, религиозных лидеров, глав конфессий до организаторов медиацентров террористических и экстремистских организаций), а распространением – широкий круг акторов, социальные институты, СМИ, в социальных сетях – добровольные помощники из числа последователей или симпатизирующих.

Для формирования гражданской идентичности, имеющей конкретный объект и цель социального взаимодействия, необходимо различать специфику коммуникативных систем. Данный аспект хорошо проработан политической наукой, в частности, С. Московичи предложил выделять три коммуникативные системы функционирования и циркуляции массовой информации: распространение, распределение и пропаганда [1]. Распространение по своей природе направлено на расширение, оно адресуется к наибольшему числу людей и в связи с этим стремится минимизировать социокультурные различия. Представляемые ценности являются общими, затронутые знания никогда не являются специализированными, в уровне языка не встречается значительных различий, приводимые примеры скорее используются в связи со своим эмоциональным значением, чем с целью доказательства. Распределение полностью отлично, поскольку адресуется к определенной идеологической группе с целью стимулирования ее дальнейшего развития, практически выверяя свой опыт и свои убеждения. На изменения в мире распределение отвечает сознательной попыткой интеграции: оно объясняет, приноравливает,

[1]Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Академический проект. 2011. – С.43.

истолковывает, производит отбор. Знания здесь специализированны, темы – более узки, а язык обладает типичными характеристиками. Наконец, пропаганда является совокупностью средств выражения и действия, она обеспечивает две дополнительные функции: регулирующая функция самоутверждения идентичности группы, имеющая для таковой сплачивающее значение, и организующая функция, одновременно внутренняя и внешняя, которая работает на представлениях, чтобы их подтвердить, улучшить или внести изменения. Область этой функции в целом непосредственно социальна[1].

В рамках функционирования коммуникативных систем социологи и социальные психологи выделяли ряд универсальных механизмов конструирования ценностно-смыслового пространства:

Информирование – Распространение информации, проповеди, выступления религиозных деятелей, проповедников, трансляции богослужений в круглосуточном режиме – осуществляется посредством СМИ. На Центральном телевидении предоставлено вещание православному телеканалу «Спас», в Дагестане создано «Наше национальное телевидение (ННТ)». Конфессии также успешно освоили информационное пространство и активно используют современные коммуникаторы – интернет, социальные сети и мессенджеры. Официальные сайты есть у муфтиятов и православных приходов, духовные лица ведут личные странички в инстаграм и фейсбуке. Как правило, транслируются постулаты высокой морали, акцентируется внимание на позитивные установки добра, справедливости, содержащиеся в религии.

Агитация – активно используется в проповедях, выражается в побуждении к посещению церквей и мечетей, участию в массовых религиозных обрядах (крестный ход, празднование Ураза–Байрам), приобретению религиозной литературы, а также пожертвованиям, мотивируют к участию в благотворительности и помощи обездоленным.

На этом этапе можно говорить о позитивном потенциале религии, способствующем формированию гражданской идентичности на основе общих для адепта и гражданина ценностей ответственности, патриотизма, нравственности, а также предсказуемости и послушания. Однако совершенно другое звучание религиозная идентичность получает, когда духовными лидерами актуализируются социокультурные различия, ставятся под сомнение существующие политические практики и сама концепция светскости.

Дезинформация – проявляется в умалчивании негативных фактов, так или иначе связанных с религией. Например, в СМИ табуирована тема домогательств несовершеннолетних в религиозных учебных заведениях, семинариях, медресе, однако история отношений с несовершеннолетним учительницы обычной

[1]Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Академический проект, 2011. – С. 591–593.

общеобразовательной школы была растиражирована всеми телеканалами и имела огромный общественный резонанс. Широко распространена дезинформация как ложная трактовка политических событий – внутриполитические процессы в Мьянме в 2017 году, представленные в инстаграм как массовый геноцид мусульман, вылился в многотысячные акции протеса по всей России.

Героизация прошлого как механизм формирования религиозной идентичности (причисление к лику святых исторических личностей, кумиризация имамов, религиозных деятелей) потенциально опасна, поскольку культивирование национальной гордости (что хорошо для формирования гражданской идентичности) может быстро перерасти в чувство нравственного превосходства и разжигание ненависти. Формирование положительного образа своей религии и его символического наполнения основывается на негативных проекциях – в противопоставлении другим религиям.

В этом случае между религиозной и гражданской идентичностью возникают отношения конкуренции и борьбы, поскольку гражданская идентичность акцентирует внимание на общих ценностях, а религиозная – на различиях.

По мысли Рукетта, говоря о влиянии религиозного фактора на формирование идентичности, речь идет, в сущности, о том, чтобы объяснить феномен послушания и восхищения на уровне коллектива. В контексте современной террористической угрозы чрезвычайно важно понимать, почему без всякого внешнего принуждения молодёжь подражает террористам и экстремистам, выбирает в качестве духовных авторитетов не великих ученых, писателей, общественных деятелей, а так называемых «религиозных лидеров», весьма сомнительных с точки зрения духовности, интеллекта и образования.

В этой связи исследователь[1] выделяют несколько основных причин подражания и послушания:

1. Расчет. Сильным подражают, чтобы им нравиться, что в дальнейшем позволяет рассчитывать на получение милостей, одобрения или снисходительности. Кроме того, конфессии являются стабильными экономическими игроками: представители духовенства успешно занимаются производством и распространением печатной, ювелирной, сувенирной продукции, продуктов питания, ритуальных предметов, алкогольной и табачной продукции (кроме мусульман), причем кризисные явления в экономике здесь ведут к увеличению доходности. Быть представителем духовенства – значит иметь постоянную работу и доход, не зависящие от конъюнктуры ранка.

2. Повиновение. Умышленно подражают какой-либо личности, потому что ее искренне считают превосходящей других в добродетелях, концепциях, и т.д. Этот

[1] Рукетт М.–Л. Познание масс. Очерки политической психологии. / Пер. с франц. Н.В. Вышинского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». – 2010. – С.147–148.

умышленный конформизм представляет собой парадоксальный аспект, поскольку проистекает из индивидуального решения выделиться.

3. Дереликция. Подражание кому-то по причине отсутствия другой доступной модели, другого критерия поведения, другой основы идентификации.

4. Ассимиляция. Подражание личностям, уже имеющим популярность, с целью воспользоваться их престижем в глазах других. Таковым часто бывает подражание молодёжи одежде и прическе, специфической лексике, перенимаемыми у тех людей или социальных слоев, которые популярны. Отсюда ношение бород и хиджабов в силу моды, а не религиозности.

5. Афиляция. Подражание кому-либо в силу подражания тем, кто уже ему подражает, что приводит к социальному опознаванию и опять же к ассимиляции с уже возникшей группой. В действительности речь идет о субкультуре, представляющей собой одновременно продукт принадлежности и ее залог.

Таким образом, для укрепления религиозной идентичности и политизации религии необходимы информационные источники, подпитывающие коллективное мышление, и лидеры, побуждающие к действию. Сами по себе социальные идеи не являются мобилизующими, но таковыми становятся представления о них, когда они являются основой распознавания и сплоченности группы в конкретный исторический период. Это означает, что любая вера (как и любая идеология) – это в значительной степени иллюзия, коллективный самообман[1]. Риторическое и полемическое воздействие религии также не одинаково в зависимости от времени, региона, его геополитического положения, экономических показателей, большинства и меньшинства верующих в обществе. «В особенности воздействие религии зависит от того, составляет ли она единственную идентификационную и, следовательно, различительную для рассматриваемой общности черту»[2].

Так как важнейшим институтом производства систем мышления является система образования, стратегической задачей конфессий является коррекция существующих образовательных технологий. На сегодняшний день воспитательный компонент в учреждениях всех уровней образования и в России ориентирован на формирование гражданской идентичности. Это вызывает настойчивые дискуссии о необходимости преподавания в школах основ религии. В отличиие от пространства науки, относительно независимого и основанного на принципе свободной конкуренции идей, образование, в особенности обязательное и массовое, всегда являлось ареной столкновения научного и политического начал. В истории много примеров, когда в угоду политической конъюнктуре создавались и порой насаждались несостоятельные с точки зрения фактов и научной логики теории[3]. Даже самые несовместимые с наукой положения могут не

[1]Лобовик Б.А. Религиозное сознание и его особенности. – Киев: Наука, 1986. – С.174.
[2]Митрохин Л.Н. Философия религии. – М.: Республика. 1993. – С.225.
[3] Петрова О.Н., Ананченкова П.И. Непрерывное профессиональное образование как элемент

просто существовать, но и закрепляться в массовом сознании, если подкреплены политическим и духовным (религиозным) авторитетом. Таким образом, образовательное пространство, чтобы способствовать продвижению и формированию общегражданской идентичности, должно тщательно регулироваться государством. Прежде всего, оно должно быть если не максимально, то хотя бы относительно однородным. Это достигается посредством внедрения единых образовательных стандартов и применения политического контроля в отношении прежде всего частных религиозных образовательных учреждений.

В настоящее время в сфере исламского образования сохраняется ряд нерешенных проблем. Качество образования в религиозных учебных заведениях республики, по оценке специалистов-теологов, оставляет желать лучшего. Недостаточное количество высококвалифицированного преподавательского персонала (большинство преподавателей являются выпускниками этих же вузов) и отсутствие необходимой учебно-методической, библиотечно-информационной и технической базы остается основной проблемой для их полноценной образовательной деятельности. Серьезной проблемой также остается трудоустройство выпускников исламских учебных заведений. Если раньше говорили о перенасыщении рынка труда пресловутыми «юристами-экономистами», то сегодня совершенно очевиден избыток служителей культа, трудоустройство которых еще и вне зоны ответственности государства. А отсутствие светского образования и «мирской» профессии фактически оттесняет эту энергичную и талантливую молодёжь на обочину жизни. Также серьезной проблемой является сознательное или ситуативное несоблюдение религиозными учебными заведениями требований по выполнению учебной нагрузки обучающихся по светским дисциплинам. Если высшие учебные заведения, как и медресе, проходят обязательное лицензирование, то так называемые школы хафизов – начальные школы для обучения основам религии, – явление во многом стихийное. В 2019 году в Дагестан в ходе выездной проверки представителями Национального антитеррористического комитета одного из муниципальных образований было обнаружено 30 несовершеннолетних из разных населенных пунктов республики, без законных представителей, не охваченных обучением в течение нескольких месяцев, постоянно проживающих в закрытой религиозной школе. Подобных заведений обнаруживается и закрывается много во всех республиках Северного Кавказа.

В последнее время исследования свидетельствуют о росте консолидирующих начал и патриотических настроений в обществе, все больше респондентов идентифицируют себя как граждане России, наиболее широкое распространение гражданской идентичности показали опросы 2017 года.

национальной образовательной системы // Этносоциум. – № 1(91). – 2016. – С.18.

Таблица 1 – Срез основных идентичностей россиян 1992 – 2017 гг., %[1]
Table 1 – Cross section of the main identities of the Russians 1992 – 2017,%

О каких из перечисленных групп вы можете сказать «Это – мы?»				
	1992	2004	2015	2017
Люди того же достатка, что и я	68	89	83	81
Граждане России	71	78,5	75	92
Люди моей национальности	75	89	76	88
Земляки	-	-	89	90
Люди той же профессии	77	91	81	81
Жители вашего города, села	73	75	70	89

Схожие тенденции зафиксированы в более ранних исследованиях, проводимых под руководством известного социолога религии и специалиста по государственно-церковным отношениям М.П. Мчедлова[2].

По результатам исследования [3] , в общемировоззренческой группе (внерелигиозные верующие и атеисты) абсолютное большинство – 62% – идентифицирует себя как граждан России, гражданами СССР продолжают считать себя 11%, космополитами – 3%, не имеют определенной гражданской идентичности 24% респондентов. Отличия наблюдаются в конфессиональных группах: у православных гражданами России ощущают себя 74% , гражданами СССР – 9%, гражданами мира – 1,5%, заявили о неопределенности гражданской идентичности 15,5% (рис. 1). В группе опрошенных мусульман гражданами России ощущают себя 39%, гражданами СССР – 19%, гражданами мира – 8%, чувствуют неопределенность своей гражданской ориентации – 33%. Таким образом, более устойчивая гражданская идентичность зафиксирована у православной группы респондентов, наименее выражена гражданская идентичность у российских мусульман, значительно высокий процент не определившихся со своей гражданской ориентацией во всех группах свидетельствует как о проблемах идентичности вообще, так и о потенциале формирования единой, общегражданской идентичности.

[1]Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. – №5. – 2018. – С. 107.

[2] См.: Мчедлов М.П., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. О социальном портрете современного верующего // Социологические исследования. – 2002. – № 7; Мчедлов М. П., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // Социологические исследования. – 2004. – № 9; Мчедлов М. П. Православие и ислам: этноконфессиональные отношения / М. П. Мчедлов, А. Г. Шевченко, Ю. А. Гаврилов; Ин–т комплекс.соц. исслед. – М.: Наука, 2005; Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах. // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 33–40.

[3] Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов. Изд.2–е, испр. и дополн. – М.: Культурная революция, 2009. – С.354

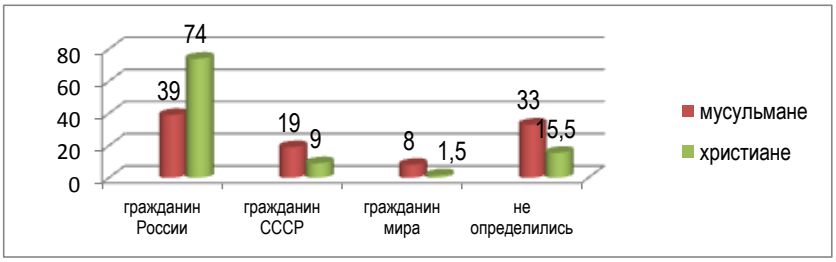

Рисунок 1 – Результаты опроса идетичности «Я – идентичность, %»
Figure 1 – Results of the survey of identity "I – identity,%"

Можно заключить, что, согласно данным социологических исследований, в России идет процесс становления гражданской идентичности, выражающейся, в частности, в формировании любви к стране, гордости и уважения к ней. Почти две трети россиян считают Россию особой евразийской цивилизацией и, что особенно важно в рамках задач данного исследования, для большинства россиян этническая или религиозная идентичность не является препятствием для формирования общероссийской гражданской идентичности, а совмещается с ней[1].

Несколько иная картина соотношения гражданской и религиозной идентичности наблюдается в преимущественно мусульманских субъектах Российской Федерации и мигрантской среде. По данным опросов, проведенных нами в столице (г. Душанбе) и крупнейших населенных пунктах Хатлонской области Республики Таджикистан в 2016 году, сегодня не более 35% населения идентифицируют себя с государством (рис. 2).

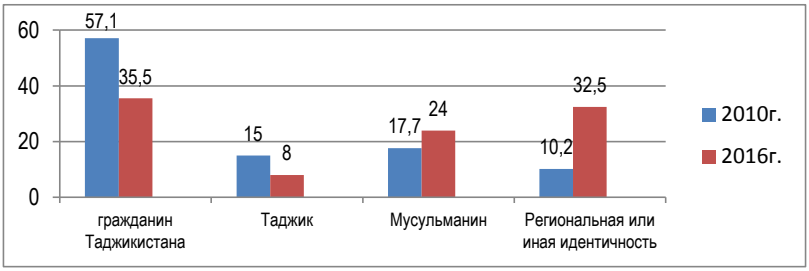

Рисунок 2 – Социальная идентичность. «Прежде всего, я –…»[2]
Figure 2 – Social identity. "First of all, I – ..."

[1]Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. – М.: Весь мир, 2017. – С.46–48.
[2] Исследование «Религиозное и национальное: выбор ценностной парадигмы» (2016 г.), опрошено 500 человек. Выборка квотная

Для сравнения: по данным исследования С.Олимовой, проведенного в 2010 г., значимость религиозной идентичности была значительно ниже, нежели гражданской идентичности. Считали себя прежде всего гражданами своей страны 57,1%, мусульманами – 17,7% опрошенных, и для 15% определяющей была этническая принадлежность. Остальные сочли наиболее важной для себя региональную (кулябец, ленинабадец и т.д.) идентичность или затруднились ответить[1].

Как можно заметить, происходит вытеснение гражданской самоидентификации – этноконфессиональной. Еще более наглядно усиление религиозного фактора демонстрируют данные опросов в Республике Дагестан, ежегодно проводимых Министерством по делам национальностей и делам религий РД[2]. За последние 5 лет число неофитов увеличилось в два раза. Ежегодно увеличивается число верующих, которые отделяют ислам как религию и институт от остальной системы ценностей, культуры или традиции. Если традиционно главной причиной самоопределения как мусульманина являлась религиозная принадлежность семьи и «вера предков», «основа нашей культуры и традиций», то в 2017–2018 гг. по результатам опроса студентов ССУЗов и ВУЗов республики, более 70% опрошенных называли ислам единственно верным учением и религией. На сегодняшний день в Дагестане – небольшом субъекте Российской Федерации с населением около 3 миллионов человек – функционируют 2537 религиозных организаций, в том числе 1273 джума мечетей [3] . Для сравнения: в девятимиллионном Таджикистане действуют 3900 мечетей, в том числе 48 центральных соборных мечетей.

При этом большинство россиян считают, что в исторически многоконфессиональной и многонациональной России наступательная религиозность вела бы только к росту конфликтов, разрушая общую жизненную среду. Примеры деструктивного воздействия на социальную стабильность религиозного фанатизма, обосновывающего необходимость убийств, исходя из своей интерпретации религиозных постулатов,– террористические акты являются определяющими в отношении к навязчивой религиозности. Усиление роли религии в обществе россияне в целом оценивают более негативно, чем в 90-е годы (рис. 3). Как отмечают исследователи, «снятие политических ограничений породило всплеск религиозности как широкую социальную моду.

[1] Олимов М.К., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – №59. – С.160.

[2] О состоянии и принимаемых мерах по реализации в Республике Дагестан государственной политики Российской Федерации в сфере религиозных отношений и религиозного образования соответствующими органами исполнительной власти и Муфтиятом Республики Дагестан. – URL: http: //komrelig.e-dag.ru/file/download/2937. (дата обращения 15.10.2019).

[3] Там же.

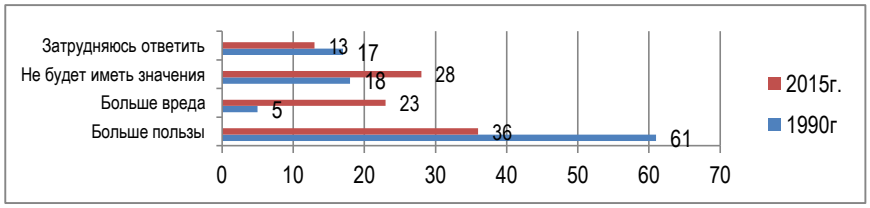

Рисунок 3 – Больше пользы или вреда может принести распространение религиозных убеждений для общества в целом?[1]

Figure 3 – Can the spread of religious beliefs bring more benefits or harm to society as a whole?

Однако по мере развития демократического общества сформировался и своего рода «иммунитет» против любого вида идеологических ограничений, в том числе религиозного толка»[2].

Веротерпимость была и остается нормой для российского социума, при разном отношении к религиозному фактору россияне солидарны в понимании уважительного отношения к религиозным чувствам других людей. Практически все респонденты осудили решение редакции «Шарли Эбдо» напечатать карикатуры, так называемый панк-молебен, высказались за недопустимость публичных унижений религиозных святынь любых конфессий. Одновременно большинство россиян не желают вмешательства Церкви в дела государства (рис 4).

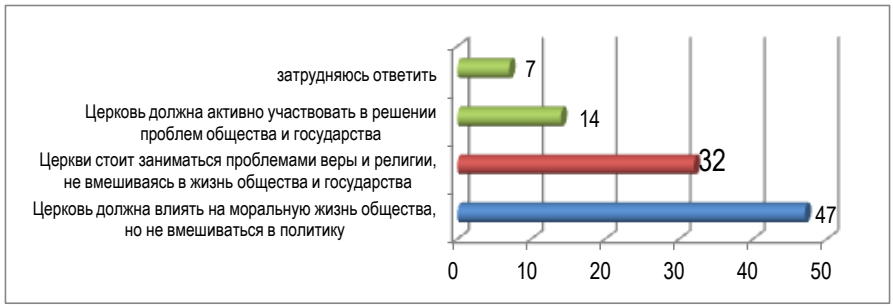

Рисунок 4 – Как должны строиться отношении между церковью и обществом, государством? Закрытый вопрос, один ответ %, ВЦИОМ[3]

Figure 4 – How should the relationship between church and society, state? Closed question, one answer%, All-Russian Center for the Study of Public Opinion

[1] Закрытый вопрос, один ответ %, ВЦИОМ, 2015

[2] Россия удивляет. 2015. (Россия в цифрах). – М.: Эксмо, 2016. – С.175.

[3] Россия удивляет. 2015. (Россия в цифрах). – М.: Эксмо, 2016. – С.178.

Формально в силу закона религия отделена от государства, однако отделена ли она от политики? Безусловно, нет. Религиозные активисты всех конфессий, грамотно используя описанные выше механизмы, формируют общественное мнение по целому ряду социально значимых тем: многодетность, аборты, эвтаназия, однополые браки, ссудный процент, молодёжные субкультуры. В этом случае любые публичные дефиниции обретают политическую конвертацию. Например, в Дагестане или Чечне публично высказаться о медико-социальной целесообразности абортов – значит поставить себя в положение политического аутсайдера с закрытым доступом к авторитетным дискуссионным площадкам и СМИ.

Безусловно, современные религии обладают немалым позитивным потенциалом, способствующим формированию ответственного гражданина, патриота своей страны. Как убедительно показал Дарио Соммер[1], мир переживает серьезный кризис морали, в то же время каждая религия содержит позитивные этические установки добра, справедливости, честности. Главный вывод состоит в том, что принадлежность к той или иной конфессии воспринимается одновременно как опора культурно–цивилизационной идентичности, маркирует культурно–цивилизационную общность группы, ее солидарность и мобилизацию. Однако активное включение религиозных и конфессиональных смыслов в политику ставит под угрозу существующие политические (демократические) практики, принцип светскости. Несмотря на многовариативность сценариев развития общества, в том числе появление новых типов идентичностей, на сегодняшний день наиболее эффективно поддерживает стабильное функционирование государства именно гражданская идентичность, построенная на классическом единстве права, истории и культуры.

Библиография/References:

1. Борисов Н.А. Институциональные трансформации на постсоветском пространстве: в поисках формулы политической стабильности // Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований. – М.: РОСПЭН, 2017. – С. 346-367.

2. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов. Изд.2-е, испр. и дополн. – М.: Культурная революция, 2009.

3. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Академический проект, 2011.

4. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. – М.: Весь мир, 2017.

[1] Соммер Д. Мораль 21 века. Пер. с исп. М.: Кодекс, 2013. С.478

5. Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // ПОЛИС. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 100 – 115.

6. Олимов М.К., Олимова С.К. Трансформация идентичности в миграции: этничность и религия (на примере таджикской трудовой миграции в России) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 158 – 166.

7. О состоянии и принимаемых мерах по реализации в Республике Дагестан государственной политики Российской Федерации в сфере религиозных отношений и религиозного образования соответствующими органами исполнительной власти и Муфтиятом Республики Дагестан. – URL: http: //komrelig.e-dag.ru/file/download/2937.

8. Петрова О.Н., Ананченкова П.И. Непрерывное профессиональное образование как элемент национальной образовательной системы // Этносоциум. – 2016. – № 1(91). – С. 18 – 21.

9. Прегудов С.П. Российская и гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: личность, общество, политика. – М., 2017. – С. 163 – 171.

10.Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Российская газета. – 2012. – 23 января. – URL: http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html.

11.Россия удивляет. – 2015. – М.: Эксмо, 2016.

12.Рукетт М.-Л. Познание масс. Очерки политической психологии / Пер. с франц. Н.В. Вышинского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010.

13.Соммер Д. Мораль 21 века. Пер. с исп. – М.: Кодекс, 2013.

1. Borisov, N.A. (2017) Institutsional'nye transformatsii na postsovetskom prostranstve: v poiskakh formuly politicheskoi stabil'nosti [Institutional transformations in the post-Soviet space: in search of a formula for political stability] // Politicheskaia refleksiia, teoriia i metodologiia nauchnykh issledovanii [Political reflection, theory and methodology of scientific research]. – M.: ROSPEN. – P. 346 – 367. (In Russ.)

2. Vera. Etnos. Natsiia. Religioznyi komponent etnicheskogo soznaniia [Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness] / Red. kol.: M.P. Mchedlov, Iu.A. Gavrilov, V.V. Gorbunov. Izd.2-e, ispr. i dopoln. – M.: Kul'turnaia revoliutsiia, 2009. (In Russ.)

3. Moskovichi, S. (2011) Vek tolp. Istoricheskii traktat po psikhologii mass [The age of crowds. Historical treatise on the psychology of the masses]. – M.: Akademicheskii proekt. (In Russ.)

4. Gorshkov, M.K. (2017) Rossiiskoe obshchestvo v kontekste novoi real'nosti. K itogam i prodolzheniiu sotsiologicheskogo megaproekta [Russian society in the context

of the new reality. To the results and continuation of the sociological megaproject]. – M.: Ves' mir. (In Russ.)

5. Drobizheva, L.M. (2018) Rossiiskaia identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniia [Russian identity: discussions in the political space and dynamics of mass consciousness] // POLIS. Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 5. – P. 100 – 115. (In Russ.)

6. Olimov, M.K., Olimova, S.K. (2019) Transformatsiia identichnosti v migratsii: etnichnost' i religiia (na primere tadzhikskoi trudovoi migratsii v Rossii) [Transformation of identity in migration: ethnicity and religion (on the example of Tajik labor migration in Russia)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia [Tomsk State University Journal of History]. – № 59. – P. 158 – 166. (In Russ.)

7. O sostoianii i prinimaemykh merakh po realizatsii v Respublike Dagestan gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere religioznykh otnoshenii i religioznogo obrazovaniia sootvetstvuiushchimi organami ispolnitel'noi vlasti i Muftiiatom Respubliki Dagestan [On the state and measures taken to implement in the Republic of Dagestan the state policy of the Russian Federation in the field of religious relations and religious education by the relevant executive bodies and the Muftiate of the Republic of Dagestan]. – URL: http: //komrelig.e-dag.ru/file/download/2937. (In Russ.)

8. Petrova, O.N., Ananchenkova, P.I. (2016) Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie kak element natsional'noi obrazovatel'noi sistemy [Continuing professional education as part of the national education system] // Etnosotsium [Etnosocium]. – № 1(91). – P. 18 – 21. (In Russ.)

9. Pregudov, S.P. (2017) Rossiiskaia i grazhdanskaia identichnost' i politicheskaia natsiia: problemy formirovaniia i konsolidatsii [Russian and civic identity and political nation: problems of formation and consolidation] // Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika [Identity: personality, society, politics]. – M. – P. 163 – 171. (In Russ.)

10.Putin, V.V. (2012) Rossiia: natsional'nyi vopros [Russia: the national question] // Rossiiskaia gazeta. – 23 ianvaria. – URL: http://www.rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html. (In Russ.)

11.Rossiia udivliaet. – 2015 [Russia is surprising]. – M.: Eksmo, 2016. (In Russ.)

12.Rukett, M.-L. (2010) Poznanie mass. Ocherki politicheskoi psikhologii [The knowledge of the masses. essays in political psychology] / Per. s frants. N.V. Vyshinskogo. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiia». (In Russ.)

13.Sommer, D. (2013) Moral' 21 veka [Morals of the 21st century]. Per. s isp. – M.: Kodeks. (In Russ.)